

ГАЛЕРЕЯ

Е Л Е Н А   Ф И Г У Р И Н А

Случайно ли, что в русском языке есть слово "художница", и до сих пор нет "живописицы", хотя ему следовало бы появиться за те сто лет, как женщинам открылся беспрепятственный доступ в художественные школы? Скрыто, видимо, в этом некое природное ограничение: к художеству женщина способна, а к живописи — не совсем. Действительно, в русском искусстве художниц с ярким живописным темпераментом можно перечест по пальцам. Когда поэтому сталкиваешься с такой художницей, то невольно останавливаешься и присматриваешься. Так было со мной перед полотнами Елены Фигуриной, одаренной от природы глубоко эмоциональным цветовидением, которое в нынешнее время редко найдешь и у сильного пола.

Яркий, "открытый" и насыщенный цвет — не редкость в современной живописи, но в этих полотнах он буквально "голосил" и "кричал". "Кричал", пусть не полным голосом — это еще впереди, — а сдавленным от отчаяния и тревоги, прерывистым — от мятел и надрыва, вскипающих при взгляде на себя и других. Именно глядя в зеркало на себя или в упор — на других, но почти всегда через себя, открывает Фигурина невротичную экзистенцию растревоженного, неприкаянного Я, которое, не имея опоры ни в Боге, ни в мире, бьется, раздражается и мучается то собой, то окружением; бежит от них, задыхаясь и проклиная, чтобы под конец безнадежно-изнеможенно застыть в позе предельного разочарования и инстинктивного страха.

Эта угловатая судорожность, заметная во всех портретах, придает им внутреннюю неустойчивость: фигура сжата в твердый комоч или порывисто распластана; готова сорваться, низринуться; она вся устремлена куда-то. В ожидании и надежде? Чаще — в безысходной тоске. Если изображенный не один, то рядом не друг, а сосед, не собеседник, а опора, за которую можно уцепиться, но нельзя довериться. Тревога гонит кисть, быструю и размахистую, не позволяя ей задержаться ни на детали, ни на контуре, ни на цветовом оттенке. Даже природа, где мятущаяся душа обычно ищет покой и уладу, видится зловещим, пустынным и замкнутым фоном, густо стливаясь темно-зелеными всполохами.

Глубины и пространства — нет; они не нужны, ибо отвлекают от главного: лица, позы, жеста. Лица же так искажает мука, что на них надо быстро взглянуть, не разглядывая, потому что они — аббревиатура и шифр, разгадываемые лишь через эмоциональное целое. В них чувствуется индивидуальное, а не личное, как чувств-

ется оно в руках, то напряженно сжатых, то призмивно протанутых, то бессильно обвисших. Личное — всегда одухотворено, тут же перед нами душевно-плотский уровень бытия, бытия потрясенного и расколотого, безрадостного и абсурдного.

Даже в самых смелых исканиях такой надрывно-экзистенциалистский подход был в основном чужд русскому портрету, поскольку из него никогда не уходило гармонизирующее начало. Зато его культивировал экспрессионизм германской чоканки, с которой у Фигуриной много общего, особенно в открытой гамме и "дерзкой" манере письма. Если однако ее сравнить с Кирхнером, Нольде и Кокшовой, то генетическое сродство перекроется иным духом — по-славянски земным, сумрачным и напряженным, лишенным розентальской поэтизации, и иным отношением к форме, которая выглядит более тяжелой, обобщенной и огрубленной, но зато и более цельной и "ударной". В этих качествах стиль молодой художницы стоит ближе к теперешнему неоекспрессионизму, у которого много поклонников на Западе.

Правда, для неоекспрессионистов, возрождавших в нарочито примитивизированном виде традиции фовистов, цвет очень часто — самоцель, тогда как Фигурина вкладывает в него гораздо больше внутреннего драматизма, крайне редкого в неофициальной живописи, изверное от того, что она в основном исходит из рационалистических предпосылок. Глубинные эмоции чаще всего рассекаются холодным сюрреалистическим скальпелем, разлагаясь на хитропричудливые фрейдистские формулы, а не извергаются на холст живым потоком, который, растекаясь и остывая, сохранит жар чуткой души. Этот жар есть у Фигуриной, и он-то придает ее работам неподдельную и нервную напряженность.

Цветовой драматизм среди многих выделяет художницу, но одновременно делает ее в будущем довольно уязвимой. Формировать всегда опасно — можно сорвать голос, да и рискованно, ибо незаметно начинаешь кричать на одной ноте, в данном случае психологической. Сама спонтанность экспрессионистской манеры тоже таит в себе элемент риска, поскольку подчинена произволу настроения, а при упорядочивании экспрессия быстро тускнеет. Что-

бы удержать ее, приходится вырабатывать устойчивые формальные приемы, что в основном и сделали представители данного стиля, которые под конец разглядели и в коллизиях сокровенное единство человека и мира.

Художнице предстоит еще многое: совершенствовать цвет и рисунок, в которых порой властвует случайность, обрести композиционное разнообразие и искать новые жанры /в качестве перспективного можно указать пейзаж, особенно городской/, но я хочу верить, что при этом она сохранит свои особенности — силу непосредственного чувства и колористический темперамент, который делает ее "живописицей".

В. Антонов

Фигуриня Елена Николаевна родилась 4 ноября 1955 года в г. Вентспилс /Латвия/, в семье офицера. Когда ей было 14 лет, семья переехала в Ленинград, получив квартиру в купчинской новостройке. По окончании школы поступила в Институт авиационной промышленности на отделение электроники и вычислительной техники. Вечерами училась играть на гитаре в музыкальной школе им. Римского-Корсакова.

Художественные навыки приобрела самостоятельно. В 1976 г. начала писать маслом, а в следующем году уже участвовала в квартирной выставке недолго существовавшей группы "Летопись". Летом 1978 г. показывала свои картины вместе с другими молодыми "третьей волной" на открытом воздухе: в б. Шестаковском подворье на Старорусской ул., Ренно и Сестрорецке.

Окончив в 1979 г. институт, три года отработала по специальности, а затем перешла в Главленинградстрой проектантом. Кроме "разреженных" выставок в Доме художественной самодеятельности /1979/, Дворце молодежи /1980, 1984/, Д/к им. Кирова /1982/, принимала участие в квартирных: на Конюшенной пл. /1980/ и Бронницкой ул. /1982/.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Клоуны, 1980.
2. Двойной автопортрет, 1980.
3. На горке, 1981.
4. Короны, 1982.

